

Шаймердинова Н.Г.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,
Астана (Казахстан)

**Время в понимании древних тюрков в текстах рунических
памятников**

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В процессах категоризации и концептуализации мира древними тюрками раскрывается их концептуальная картина мира, их представление об окружающей природе, социуме и человеке, запечатленные в текстах рунических памятников. Показательным в данном контексте является категория времени, одна из универсальных категорий жизни и мышления человека. Понимание времени древними тюрками в статье рассматривается через природные сезонные циклы, восточный календарь, «живую возрастную хронологию» и эпическое время. Особенностью эпического времени является его «вечное настоящее» и творимость, обусловленные наивной картиной мира древних тюрков.

Ключевые слова: древние тюрки, рунические тексты, понятие времени, сезонный цикл, восточный календарь, «живая хронология», эпическое время, «вечность»

N.G. Shaimerdinova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana (Kazakhstan)
Time according to the ancient Turkic people in the texts of runic monuments

In the processes of categorization and conceptualization of the world by the ancient Turks, their conceptual picture of the world is revealed, their idea of the surrounding nature, society and man, captured in the texts of runic monuments, the category of time, one of the universal categories of human life and thinking, is indicative in this context. The understanding of time by the ancient Turks is considered through natural seasonal cycles, the Eastern calendar, the «living age chronology» and epic time. The peculiarity of the epic time is its «eternal present» and creativity, due to the naive picture of the world of the ancient Turks.

Keywords: ancient turks, runic texts, the concept of time, seasonal cycle, eastern calendar, «living chronology», epic time, «eternity».

Время и пространство – универсальные категории, ключевые кванты знаний в концептуальной картине мира человека во все времена и эпохи. Но понимание этих категорий в каждой эпохе, особенно в древних эпохах, проявляется по-разному, согласно уровню эмпирических и теоретических знаний человека об окружающем мире.

У древних тюрков было свое представление о времени (ödüške), они жили и творили во времени, у них было некое представление о своем прошлом, в контексте наивного сознания древнего человека - олицетворение «вечного» настоящего и понимание своего будущего.

Л.Н. Гумилев отмечал, что тюрки исчисляли свое существование от начала мира, но они полагали, что мир не так уж стар. Надпись Кюль-тегина начинается с исторического экскурса: *«Когда было сотворено [или возникло]верху голубое небо внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены [или возникли] сыны человеческие. Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган»* [1, с. 36]. Как полагает Л. Гумилев, начало мира древними тюрками датируется точно началом VI в н.э. Значит, мир существует всего 200 лет. Такое наивное понимание своих истоков тюрками объясняется большими временными разрывами, потерей традиций и связей «тюрки, потомки хуннов, ничего не знали о своих предках, так же как монголы Чингисхана ничего не знали о тюрках» [2, с. 338].

Что касается понимания древними тюрками времени в целом, то Н.Я. Бичурин писал, что древние тюрки «уравнения времён вовсе не знают, а замечают времена только по зелени травы» [3, с 235]. Для древних тюрков естественные природные явления и признаки были приметами времени – восход и заход солнца, яркая ночная звезда, «лунный календарь» и «зелень травы». Темп жизни древних людей зависел от природного ритма, смены природных циклов лета и зимы, весны и осени, дня и ночи. Временные категории средневековья – год, сезон, месяц, день, но не час и тем более не минута. Природная ритмичность не нуждалась в точном знании часа время, самыми короткими отрезками времени были день и ночь, запечатленные в текстах Кюль-тегина, Бильге-кагана и других памятников. Древние тюрки имели тесную связь с природой, их кочевой или полукочевой образ жизни проходил в естественных сменах сезонных явлений, где наиболее благоприятной для разведения скотоводства был весенне-летний период, и, наоборот, наиболее сложный – осенне-зимний период. Возможно, *сезонный цикл*

был одним из первых единиц времени, и он играл важную роль в жизнедеятельности древних тюрков, в сохранении их обрядов и обычаев. В данном контексте примечательны записи Н.Я. Бичурина о том, что «умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью и зимой хоронят, когда цветы начинают развёртываться...» [3, с 234]. На наш взгляд, столь длительное сохранение тела усопшего для окончательного погребения дает важную информацию о сущности актов захоронения, древних тюрков либо это трупосожжение, либо бальзамирование, либо что-то ещё другое, о чем еще должны сказать специалисты.

Позже, как известно, для исчисления времени древние тюрки использовали **восточный календарь или «звериный цикл»**, возможно, который был заимствован у соседних племён и этносов и который использовался для описания разных жизненных ситуаций, в ритуалах захоронения каганов, тегинов и в других традициях и обычаях, например, «*В год Овцы, в год Обезьяны, в год Собаки*»: «*Кюль-тегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – всё мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день*» [4, с. 190].

2) «*Я – ичрек Кара-хана...Я – от племени ябаку... Я – Тюргеиш. Я – летописец. Год обезьяны*» [5, с. 126]. В данном дискурсе раскрываются не только социальный статус, этническая и родо-племенная принадлежность автора строк, но и есть информация по восточному календарю «год обезьяны» и ценный для древнего мира статус «летописца», такого же как в памятнике Кюль-тегин, летописец Йоллык тегин, который описал наиболее важные события древнетюркского мира в эпохи первого и второго тюркских каганатов.

Наряду с восточным календарем древние тюрки пользовались так называемой «**живой хронологией**», которая, по мнению Л.Н. Гумилева, была переходной формой от сезонного цикла (от весны до весны) к звериному циклу [2, с. 339]. В рамках этой «живой хронологии» можно рассмотреть в текстах памятников время правления, походов и сражений

тюркских каганов; те или иные значимые события, происходившие в древнетюркском социуме. И тогда в качестве «живой хронологии» используется возраст жизни человека. Все важные события во втором тюркском каганате от правления Кутлук кагана до правления Бильге кагана можно рассмотреть через жизненный путь Кюль-тегина **𐰉𐰺𐰽𐰸** от 7, 10, 16, 21, 26, 27, 31, 37 ...47 лет: «*После смерти моего отца-кагана, мой младший брат Кюль-тегин остался семи (?)лет, в десять лет для (т.е. радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюль-тегин*» [1, с 40].

«Живая хронология» запечатлена и в енисейских текстах и на основе её можно выявить продолжительность жизни человека в целом в древнетюркском социуме, многочисленные примеры охватывают весь жизненный путь человека от детства до старости:

1. «...*Когда мне был год, я разлучился с моим дедушкой.... Когда мне было шесть лет, я лишился отца, но не осознавал этого...*» [5, с. 116].
2. «... *С семнадцати лет я водил войска. Моим государством я не наслаждался*» [5, с. 148].
3. «...*О, мои... Мой возраст – сорок два года*» [5, с. 139].
4. «...*Мои семьдесят лет, - я умер. Семьдесят мужей-воинов (врагов) я убил...*» [5, с. 168].
5. «...*В мои восемьдесят лет я расстался с этим миром, - грустно, как жаль мне...*» [5, с. 205].

В енисейских текстах «живая хронология» представлена также в памятниках Е-22 (43 лет), Е-23 (49 лет), Е-49 (62 года), Е-52 («с двадати.. надцати лет...»), Е-43 (52 года), Е-3 (63 года), Е-5 (16 лет), Е-45 (71 год), Е-59 (27 лет), Е-147 (17 лет), Е-11 (15 лет) [5, с.139 - 273]. Иллюстративный материал из этих и других текстов памятников раннего средневековья раскрывает важную информацию о том, что древние тюрки могли проживать до преклонного возраста (70-80 лет), несмотря на достаточно суровые условия их жизни.

Следует также отметить, что у древних тюрков были особенности счета, используемого в «живой хронологии» и в

других жизненных ситуациях. А.Н. Кононов отмечает одну из двух систем для обозначения чисел, состоящих из десятков и единиц. «При счете от 11 и далее сначала называется единица, за которой обозначается десяток следующего, высшего порядка *üç jegirmi* ‘13’; *bir otuz* ‘21’; *beş jetmis* ‘65’; *sekiz jetmis* ‘68’» [6, с.112]. Эта система подсчета возраста широко использована в «живой хронологии» енисейских текстов:

1. *är ärdäm jerim üçün öldim*
2. *aç to ... isig ĩnal elimkä bāgimkā bökmādim*
3. **toquz qırq** *jaşımda elim üç*

1) Я погиб во имя своей доблести мужа-воина, ради моей земли

2) Я - Ач То... Исиг Ынал, моим государством, моим бекам – я не наслаждался.

3) В мои тридцать девять (сорок девять) лет ради моего государства... [5, с.154].

Важной особенностью древнетюркского понимания времени является его *хромотопичность*, растянутость времени в пространстве, когда приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин). Такое время можно назвать эпическим, продолжительным, длительным, отличительной чертой его является признак «вечного настоящего» или признак «вневременности». «Сознание средневекового человека не представляло время линейно как прошедшее – настоящее – будущее, оно было антиисторичным. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нём ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его «вневременность» [7, с.88].

На наш взгляд, ранняя средневековая культура наследовала идею вневременности из архаичного мифологического сознания; из античной, египетской, индийской и других древних культур и цивилизаций. В древних цивилизациях «господствовало» время вечного настоящего, мир воспринимается не в изменении и развитии, а как пребывание в покое и вращении, в великом кругу». Символом вечного

настоящего являются: древнеиндийское колесо времени, олицетворяющее извечное движение по кругу; древнеегипетские пирамиды Хеопса как памятники «остановившегося» времени, древнегреческий Парфенон или гармоничные скульптуры Давида, Аполлона, Венеры Милосской, как гармоничные памятники, не требующие дальнейших изменений. Эта идея вечного настоящего, вневременности имеет место и в культуре и в сознании древних тюрков. Поэтому в текстах памятников так часто употребляется слово «вечный» (𐰽𐰺𐰸 beṅgü) поставили «вечный камень» (𐰽𐰺𐰸 beṅgü taš), создали «вечный эль» (𐰽𐰺𐰸 𐰽𐰺𐰸), государство:

1) «...Когда ты остаешься в Отюкенской черни, ты можешь жить, созидавая своё **вечное государство**» [4, с 264].

2) «О, тюркские беки и народ, слушайте меня! Как, объединив тюркский народ, создал государство здесь высек. Как заблуждаясь, вы распадаетесь, - вырезал на этом камне. Все, что я хотел сказать, - вырезал **на этом вечном камне**» [4, с 265].

3) «Я водрузил **этот вечный (памятник) Чаб Шатун-тархану (Чабыш Тон-тархану)**» [5, с 95].

Идея вечности в сознании древних тюрков связана с их духовным мировоззрением, с верховными божествами Тенгри и Умай (𐰽𐰺𐰸 𐰽𐰺𐰸), которые с одной стороны антропоцентричны, уподобляются людям, возводят на престол каганов (Кутлук кагана), благословляют героев-мужей на подвиги и т.д. и т.п. С другой стороны, верховные божества – вечные, единичные, а все остальное творимо, создано богами: *er atı ... ilän jaljus ten 'воинское имя...: господствуй (правь, цари), единственное Небо'* [8, с.242]. В данном фрагменте по традиции, идущей от В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, верховное божество Тенгри переводят как Небо (хотя мы видим в транскрипции текста Д.Д. Васильева четкое *ten/Tenri*).

А.Я. Гуревич, исследуя культуру и духовные начала средневековья, отмечал, что вечность – атрибут бога, время же сотворено и имеет начало и конец, ограничивающие длительность человеческой истории» [7, с. 99]. С этой же идеи

творимости мира начинается и текст Кюль-тегина: **ТҮҖИҖҚДИҖИ** Teңri yaǵılqadı (букв. «Когда Тенгри сотворил...») *Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т.е. люди).* Причастные формы *сотворено, сотворены* означают: оказывать то или иное воздействие, в результате которого совершается то или иное явление: сотворены земля, люди «сыны человеческие», сотворено все сущее, а значит, и время, в котором живет человек. Время создано, а значит, творимо. Отсюда в текстах:

1. **Время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо, (но так или иначе) сыны все рождены с тем, чтобы умереть (т.е. бог)** [1, с.43].

2. **Я скорбел, ход времени определяет Тенгри (бог), сыны человеческие рождены, чтобы умереть** [4, с. 190]. В двух разных переводах разные языковые единицы «*время (т.е. судьбы, сроки) распределяет небо*», «*ход времени определяет Тенгри (бог)*» передают одно и тоже содержание – жизнь человека недолговечна («*сыны все рождены с тем, чтобы умереть*»), все зависит от воли Всевышнего (Тенгри, бога). **Поэтому время – творимо, имеет начало и конец, и, как и весь мир в целом, определяется высшими силами, в чем, безусловно, проявляются уровень знаний древнего человека, его наивная картина мира.**

Идею вечного настоящего также символизируют и предметы материальной культуры, обнаруженные в поминальных комплексах древних тюрков: балбалы (**ТДТД**), скульптуры людей и животных, каменные стелы (**ҮҖҖҖҖҖ** bitig taş) навеки высеченными на них словами.

В заключении следует отметить, что у древних тюрков было своеобразное понимание времени. По хронологии времени мир не был для них старым, поскольку была утеряна преемственно-временная связь с хуннами. Древние тюрки жили в гармонии с природой, приметами времени были «зелень» травы, «лунный календарь» восход и закат солнца. Смена сезонных циклов зимы и весны, весны и лета, лета и осени,

осени и зимы были признаками изменения времени в рамках которых проходила вся деятельность древнего человека, их кочевой и полукочевой образ жизни. Именно сезонные циклы были первой единицей отсчета времени.

Позже древние тюрки использовали восточный или «звериный» календарь, возможно, заимствованный у восточных и южных народов Центральной Азии. По восточному календарю описаны важнейшие события в древнетюркском социуме, захоронения каганов, традиции, обычаи и ритуалы.

Важной единицей времени была «живая хронология», возраст человека использовался в самых разных жизненных ситуациях. Благодаря текстам памятников дошла информации о долголетию жизни древних тюрков (70-80 лет), не смотря на кажущиеся суровые условия жизни.

Время древних тюрков было эпически растянутым, хронотопичным, прошедшее – настоящее – будущее рассматриваются как единая линия вечности, вневременности, «вечного настоящего, что было характерным явлением для древних культур и цивилизаций. Идея вечности переплетается с духовными началами тюрков, вечность – атрибут верховных богов (Тенгри и Умай), все остальное – человек, природа, в т.ч. и время – творимо. Всё это обусловлено наивной картиной мира древнего человека.

Список литературы:

1. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1951. – 455 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М. Товарищество «Клышников – Комаров и К», 1993. – 526 с.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – Алматы ТОО «Жалын баспасы», 1988. – 390 с.
4. Жолдасбеков М. Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников (перевод М.Жолдасбекова, Н.Шаймердиновой и др.). – Астана: Кюль-тегин, 2006. – 360 с.
5. Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. – М. «Наука», 1997. – 303 с.

6. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических письменных памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Изд-во «Искусство», 1972. – 319 с.
8. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч.1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 268 с.
9. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1899. – 145 с.
10. Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. St.-Pb., 1897. – 296 p.
11. Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 2012. – 152 с.
12. Шаймердинова Н.Г. Когнитивная семантика древнетюркских орхонских текстов. – Астана, 2007. – 248 с.

Сведения об авторе: Шаймердинова Нурила Габбасовна, доктор филологических наук, профессор, кафедра тюркологии факультета Международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан), e-mail: nurila1607@mail.ru